Как хороши, как свежи были розы

Геннадий Семенихин

SHOUT
SHARE
IT

- Семенихин Геннадий

Семенихин Геннадий
Как хороши, как свежи были розы

Геннадий Александрович Семенихин

"Как хороши, как свежи были розы..."

Рассказ

В декабре сорок первого года, как прогнивший обруч, лопнула под Москвой линия фронта гитлеровских:

войск. Враг откатывался, оставляя на снегу трупы, сгоревшие танки, перевернутые орудия и повозки. В бомбардировочном полку звено старшего лейтенанта Бутурлинцева получило задание нанести удар по железнодорожной станции Мятлево, забитой эшелонами противника. Командир полка был, как и всегда, краток:

- Взлет по красной ракете. Время - шестнадцать ноль-ноль!

Кому из побывавших на войне не знакома напряженность оставшихся до боя минут, когда хочется на какоето время уйти от реальности, предаться другим думам и воспоминаниям, таким далеким от всего жестокого, что, быть может, подстерегает тебя через какой-нибудь час за липней фронта.

Угрюмым выдался день. С запада на летное поле наползали низкие облака со свинцовыми подпалинами.

Косыми полосами стегала промерзшую землю метель.

В тесной землянке чадила одинокая желтая артиллерийская гильза, приспособленная под светильник. Ее слабый неверный свет был не в силах развеять сумрак. Так по крайней мере показалось корреспонденту фронтовой газеты пожилому старшему политруку, прибывшему на аэродром. Очутившись в землянке, он в нерешительности снял роговые очки и долго дышал на холодные стекла.

Люди в меховых комбинезонах, обступившие раскаленную добела "буржуйку", сидевшие на жестких нарах в углу, были ему не знакомы.

- Простите, - сказал старший политрук, наугад обратившись к одному из них, - мне нужен старший лейтенант Бутурлинцев. Командир полка советует с ним побеседовать. Не можете ли вы сказать, где он?

Летчик кивком указал на человека, сидевшего с раскрытой книгой в руках ближе других к чугунной печурке, и предупреждающе поднял палец:

- Только тише. Послушайте. Он же у нас в летную школу прямо с литфака пошел.

Гость безропотно кивнул головой в знак того, ч го повинуется, и близорукими глазами стал напряженно рассматривать старшего лейтенанта. Перед ним был худощавый и очень ещё молодой человек с нежным, почти необветренным лицом и широко расставленными, немного удивленными синими глазами. Русые волосы колечками спадали на высокий лоб, пока что не отмеченный морщинами. Воротник комбинезона был расстегнут, на белой шее билась точеная мраморная жилка. Нет, не было решительно ничего сурового и героического в облике этого юноши. Он смотрел куда-то высоко, будто там, за низкими сводами землянки, видел что-то такое, чего ге могли увидеть его друзья-однополчане. Тонкие длинные пальцы, пальцы не летчика, а, скорее, скрипача или пианиста, бережно держали книгу с оторванным переплетом, и голос у старшего лейтенанта был нежный, мягкий, задумчивый.

- "Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочел одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался в памяти:

Как хороши, как свежи были розы..."

Бутурлипцев читал негромко, отрешившись от всею окружающего. Казалось, он позабыл и о чадящем язычке огня в желтой артиллерийской гильзе, не видел знакомых потеплевших лиц, бревенчатого наката землянки, жесткой соломы на нарах. Он читал о том далеком и необыкновенно тонком, что, по всей вероятности, поразило его ум ещё в детстве. А за окном землянки металась пурга, слышался удаляющийся на запад гул артиллерийской канонады, рев запущенных механиками моторов, Бутурлинцев продолжал читать, а у людей оттаивали сердца.

- "Как простодушно-вдохновенны задумчивые глаза, как трогательно-невинны раскрытые, вопрошающие губы, как ровно дышит ещё не вполне расцветшая, ещё ничем пе взволнованная грудь, как чист и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с нею, - но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы..."

Скрипнула дверь на ржавых петлях, в землянку ворвалось облако белесого морозного пара, и сухой голос дежурного по штабу объявил:

- Звено старшего лейтенанта Бутурлинцева, по самолетам!

И он улетел, этот нежный, задумчивый паренек, не дочитав прекрасного тургеневского стихотворения. Лишь у широкой плоскости бомбардировщика сумел останоБИТЬ его старший политрук из фронтовой газеты. Бутурлинцев натягивал на свои тонкие руки огромные чергые перчатки-краги. С грустной улыбкой выслушал я;урпалиста.

- Сейчас не могу. Вы же сами видите. - А когда вернусь - приходите, поговорим..

Но с боевого задания старший лейтенант Бутурлинцев не вернулся. Его машина загорелась от прямого попадания зенитного снаряда в бензобак. Она падала, оставляя в стылом небе дымный след, и была чем-то похожа на большую траурную розу.

Командир полка приказал повторить бомбовый удар по станции Мятлево. Очередное звено "Петляковых" на цель повел командир первой эскадрильи капитан Безродный, кряжистый хмурый крепыш с грубоватым, продубленным аэродромными ветрами лицом. Девяносто минут летали в ледяном пасмурном небе три двухмоторных бомбардировщика. Когда "Петляковы" заходили на посадку, на командном пункте уже было точно известно, что метким бомбовым ударом звено капитана Безродного зажгло сгрудившиеся на путях вражеские эшелоны, и они горели.

- Спасибо, Саша, - тихо промолвил седоватый человек, командовавший бомбардировочным полком. - За Васю Бутурлинцева, ты разделался! - И, отыскав глазами военного корреспондента, прибавил: - Вот о ком советую написать, о капитане Безродном. Этот крестьянский сын стал настоящим воздушным бойцом. Расчетливым, хладнокровным. Разве на земле только немножко суховат.

В сумерках, пропыгав добрые полкилометра по занесенной снегом запасной дорожке, журналист снова спустился в ту же самую землянку, по скользким, заледеневшим деревянным ступенькам. И опять он увидел колеблющийся язычок пламени в желтой гильзе и темные силуэты летчиков, сидевших на нарах и около чугунной печурки. И опять он спросил одного из них:

- Где капитан Безродный? Мне очень нужен ка~ питан Безродный.

И опять услышал в ответ:

- Тише, товарищ старший политрук, пожалуйста, тише.

На том самом месте, где всего несколько часов назад оидел нежный, задумчивый юноша Бутурлинцев, журналист увидел другого, совсем непохожего на него человека, невысокого, кряжистого, с аильной шеей, обмотанной коричневым теплым шарфом. У летчика быто широкое лицо с глубокими морщинами, крутым надбровьем и крупным носом. Казалось, что лицо было вырубле-но резчиком по дереву, не пожелавшим смягчить резкие черты. В больших, тяжелых ладонях Безродный держал ту же самую книгу без переплета и хриплым голосом, не всегда верно, с глухим, плохо сдерживаемым волнением, декламировал:

- "...Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол; а в голове все звенит да звенит:

Как хороши, как свежи были розы..."

Безродный отвел от книги сухие от горя светло-серые глаза и ещё раз повторил:

- "Как хороши, как свежи были розы..."

А где-то далеко на железнодорожной станции Мятлево пылали фашистские эшелоны с боеприпасами и ухали взрывы.

Кончался суровый сорок первый.

Враг отходил от Москвы. Наши войска развивали наступление.

1970